

© Сергей Николаев

31.12.2013, 12:38 [Вся Россия](#)

СТАТЬИ

От ОВД до тюрьмы: итоги 2013 года

Год прошел под знаком обсуждения амнистии, но государство не ослабляет репрессивную хватку. Аресты по «Болотному делу» продолжаются. Спецподразделение по расследованию преступлений, совершенных правоохранителями, не заработало.

Сергей Давидис, член Совета Правозащитного центра «Мемориал», руководитель программы «Поддержка политзаключенных и преследуемых гражданских активистов»:

Большая часть этого года охарактеризовалась укреплением и сохранением той тенденции, которая проявилась в предыдущем году, то есть усилением уголовных политических репрессий, увеличением числа

людей, которые преследуются и оказываются лишены свободы по политическим мотивам. Это продолжалось более или менее в течение всего года, но в самом конце — по причинам, на мой взгляд, связанным с внешним миром, прежде всего с Олимпийскими играми — произошло некоторое ослабление: очень небольшое число заключенных освободили по амнистии, был помилован Ходорковский, дело Даниила Константинова было возвращено в прокуратуру. Разумеется, это не перелом ситуации, я даже полагаю, что это не долговременная тенденция.

Весь год прошел под знаком обсуждения амнистии. Буквально с начала года и коммунисты в Думе, и Координационный совет оппозиции обсуждали и готовили проекты — и в итоге был реализован самый жалостный, самый узкий проект во всех отношениях — применительно как к политзаключенным, так и к широкой массе лиц, подвергающихся уголовному преследованию. Что, конечно, говорит о желании власти минимизировать эффект, не ослаблять репрессивную хватку.

Наряду с общим разнообразием, не поддающимся полноценной систематизации, характерным и для прошлых лет, очень дурным знаком является преследование Даниила Константинова, поскольку обвинение человека в убийстве вообще без всяких оснований — это случай экзотический. О тенденции говорить нельзя, но это очень важный и печальный прецедент. С другой стороны, статья 318 стала более активно использоваться как инструмент политических репрессий. Недавно в Твери был вынесен приговор Сергею Череповскому, за ним последовала выступавшая против его уголовного дела Вера Лаврешина — это самый простой инструмент для фабрикации дел, тут много ума не надо. Он активно используется и в «Болотном деле», и в других делах. Это печальная тенденция, и то, что статья 318 не была охвачена амнистией, особенно прискорбно.

Григорий Охотин, участник ОВД-Инфо:

В политических репрессиях смысловым пиком года стал арест 30 активистов Greenpeace — в этом деле репрессии вышли в прямом смысле за рамки национальных границ, а по масштабу и международной огласке это стало самой крупной репрессивной акцией. Важно и то, что их в результате отпустили, еще до амнистии: сама амнистия стала уже только подтверждением тенденции на сокращение уровня репрессий. Так или иначе, сейчас можно утверждать, что пик репрессий пройден в 2013 году и новый год начинается уже с нисходящим трендом — другое дело, что ни политическая, ни правовая ситуация не гарантирует того, что этот тренд закрепится и мы не увидим в ближайшем будущем нового количественного и качественного роста репрессий.

Самый важный вопрос про политические репрессии в 2013 году был о том, являются ли они еще контролируемыми из центра, или их реализация полностью уже спустилась на ведомственный уровень и они начинают жить по своим административно-ведомственным законам: конец года скорее показал, что вопрос о том, кого сажать, а кого отпускать по-прежнему решается непосредственно в Кремле, или как минимум Кремлем пристально контролируются — это лучше, чем бесконтрольные массовые репрессии по воли рядовых силовых начальников. Все это не отменяет того, что общий уровень репрессий за год вырос значительно, и множество людей продолжают и продолжат сидеть. Грубо говоря, хорошо, что Pussy Riot отпустили — но еще два года назад было невозможно представить, что за это вообще можно посадить.

Сергей Власов, координатор проекта «РосУзник»:

Я могу говорить прежде всего о «Болотном деле». В этом году началось судебное следствие в отношении обвиняемых «первой волны». Дело уже подходит к концу,

защите осталось несколько дней на представление доказательств. Скорее всего, суд уйдет на приговор уже в январе. Началось ознакомление с материалами дела обвиняемых «второй волны». Совсем недавно мы узнали, что задержания с большой вероятностью будут продолжаться и после Нового года. Мы видели одного из новых обвиняемых — Дмитрия Алтайчинова. Сюда же можно добавить и амнистию, которая уже коснулась пятерых человек и коснется еще нескольких обвиняемых и подозреваемых. Это все-таки позитивный итог года, хотя мы понимаем, что амнистия писалась не под «Болотное дело». Состав новых задержанных после принятия постановления об амнистии будет несколько иным, чем уже имеющийся, — это будут только те, кто проходит по обеим статьям: 212 и 318. Алтайчинову инкриминируют только статью 212, но он был привлечен в качестве обвиняемого еще летом, до того, как начались какие-то разговоры об амнистии (кроме того, у него более одной судимости, поэтому он под амнистию не подпадает). В этом году был вынесен приговор Михаилу Косенко, хотя он может вступить в силу только в следующем году, и даже непонятно, когда, поскольку не назначена дата апелляции, хотя прошло уже больше двух месяцев. Кроме того, в прокуратуру было возвращено дело «Анатомии протеста» — дело Сергея Удальцова и Леонида Развозжаева.

Процесс по делу обвиняемых «первой волны» идет довольно ожидаемым образом. Недоработки, нарушения со стороны обвинения суд не замечает, при этом права защиты явно ущемляются. Что касается «второй волны», хочется отметить, что следствие учитывало все свои ошибки по делу «первой волны», на которые указывали адвокаты, — неправильное оформление документов, неправильное представление доказательств, — и меняло тактику поведения. Мы видим, что ошибки исправлены, сейчас следствие работает намного более грамотно,

и здесь адвокатам уже будет сложнее работать. Но и у адвокатов появился определенный опыт в суде, он поможет им на следующей стадии, которая начнется, вероятно, в апреле. Сейчас в деле «второй волны» после того, как был амнистирован Дмитрий Рукавишников, остается четыре человека — Илья Гуцин, Александр Марголин, Елена Кохтарева, Алексей Гаскаров. Дело Алтайчинова выделено в отдельное производство, так как после признания обвинения оно будет рассматриваться в особом порядке.

Дмитрий Макаров, сопредседатель координационного совета Международного правозащитного движения:

В 2013 году протестная активность отходила от массовых мероприятий, а рутинные задержания на сутки и возросшие штрафы за участие в митингах уже давно не удивляют. В регионах помимо отдельных попыток оспорить ограничительные региональные законы и позиционной борьбы вокруг «гайд-парков», стоит отдельно отметить масштабные выступления против добычи никеля жителей Воронежской области, которые сейчас сталкиваются с ответными государственными репрессиями.

Зато уходящий год ознаменовался целым рядом важных решений по теме свободы собраний в правовой сфере. Авторитетнейшие международные инстанции на протяжении всего года приходили к выводам о том, что и законодательство, и практика в сфере свободы собраний в России имеют мало общего с международными стандартами, что будет сказываться и на будущих оценках как каждодневных кейсов, так и самого значимого «политического» процесса текущего момента — «болотного дела».

В январе Европейский суд по правам человека коммуницировал жалобу по делу Лашманкин и 14 других против России, ставящая вопросы о «качестве»

российского законодательства в этой сфере и системном несоответствии практики его применения международным стандартам. В феврале Конституционный суд «подкорректировал» драконовские поправки 2012 года, указав на несоответствие Конституции ответственности организатора за вред, причиненный участниками публичного мероприятия, вне зависимости от его действий; на необходимость при определении так называемых «гайд-парков» устанавливать какие-то общие критерии, гарантирующие равенство условий реализации права. Конституционный суд указал и на то, что у судов должна быть возможность назначать штрафы ниже тех сумм, которые по сути переводили административные штрафы в разряд уголовного наказания, а обязательные работы — назначать лишь в ограниченном наборе случаев реального вреда здоровью и имуществу.

В марте уже Венецианская Комиссия Совета Европы указала России на ряд системных проблем в законе, придя к выводу, что поправки 2012 года представляют собой серьезный шаг в ограничении права на свободу собраний и требуют существенного пересмотра. В октябре в знаковом деле Каспаров и другие против России ЕСПЧ пришел к важному выводу о том, что гарантии, предусмотренные для защиты в уголовном процессе, должны распространяться и на дела об административных правонарушениях, которые по сути являются «уголовным преследованием» — а значит привлекаемые по этим делам вправе требовать бесплатного адвоката, настаивать на состязательности, которая в процессе по этим делам просто отсутствует как принцип. Эти выводы вероятно будут усилены и в последующих делах, которые ждут своей очереди на рассмотрение.

Наконец, в декабре Международная экспертная комиссия по оценке событий 6 мая 2012 года обнародовала свои выводы о том, что события на Болотной площади

не соответствуют критериям «массовых беспорядков», а действия полиции являлись непропорциональными и несоответствующими степени угрозы.

Елизавета Приходина, общественный защитник, регулярно защищает в судах задержанных на публичных мероприятиях:

Сейчас модно обсуждать ведущие тренды и магистральные тенденции. В близкой мне сфере — практике рассмотрения дел участников публичных мероприятий — я бы отметила тенденцию все более терпимого отношения судов к нарушениям, допускаемым отделами полиции при оформлении административных материалов. Как это сказывается на качестве административных протоколов, думаю, объяснять не нужно. В целом могу отметить, что как протоколы об административных правонарушениях, так и судебные постановления стали составлять более небрежно. В судебных актах сплошь да рядом встречаются описки и технические ошибки. К примеру обычным делом стало, когда в постановлении в отношении, условно говоря, Иванова вдруг выскочит что-то вроде «С учетом вышеизложенного, вина Петрова полностью доказана». А в протоколах об административных правонарушениях уже не вызывают удивления шедевральные формулировки типа «проводила пикет без органов исполнительной власти» или «демонстративно размахивала руками, выкрикивала лозунг «Свободу Косенкову».

Кирилл Титаев, ведущий научный сотрудник Института проблем правоприменения:

Главным итогом уходящего года станет серьезное укрепление позиций силовиков. Прежде всего это возобновление модели возбуждения уголовных дел по экономическим преступлениям, в том числе по налоговым, без соответствующих актов несилowych органов — т. е. без представления налоговой инспекции, например. Кроме того, начались разговоры о возврате к старой численности МВД, а сокращение численности оценивается как главная ошибка прошедшей реформы. Все это говорит о том, что роль силовиков выросла и растет дальше.

Наталья Таубина, глава фонда «Общественный вердикт»:

В этом году была принята «дорожная карта» второго этапа реформирования полиции, как обозначил ее Владимир Колокольцев. В ней содержалось несколько, как мне

представляется, важных и позитивных положений, связанных с подотчетностью полиции и обеспечением большей ее открытости перед гражданами. Но, к сожалению, я не наблюдала каких-либо практических шагов по исполнению этой «дорожной карты». Мое ощущение, что она осталась красивым документом на сайте МВД и на бумаге. Там, например, была прописана деятельность, связанная с реформированием общественных советов при управлениях внутренних дел, наделением их большими полномочиями, повышением их эффективности, независимости. К сожалению, в результате мы видим обратную ситуацию: составы общественных советов в регионах не были укреплены независимыми экспертами — необязательно правозащитниками, а именно людьми, которые занимаются этой темой, но обладают независимой точкой зрения. Напротив, советы практически везде стали более лояльны, чем даже в прошлом году. По части реформы больше мы не видели никаких изменений. Что касается насилия, других незаконных методов и нарушений прав человека в практике сотрудников, к сожалению, в этой сфере не наблюдается каких бы то ни было позитивных сдвигов. Жалобы к нам продолжают поступать так же часто, как и ранее, и нарушения такие же тяжелые.

Из тех дел, которые ведет фонд, в этом году до суда дошли дела о преступлениях, совершенных два-три года назад. Это уже проблема, связанная не с полицией, а со Следственным комитетом, его неспособностью эффективно расследовать такого рода дела, даже после того как было создано — в том числе по рекомендации правозащитников — спецподразделение по расследованию преступлений, совершенных сотрудниками правоохранительных органов. Подразделение, в принципе, не заработало.

Элла Панеях, ведущий научный сотрудник Института проблем правоприменения:

Главный итог — это уничтожение арбитражного суда как отдельной системы. В стране был образец более или менее работающей судебной системы. У нее был миллион недостатков, но она прогрессировала, а не регрессировала. Была надежда, что когда ситуация изменится и потребуется реформа, будет арбитражный суд, который сможет стать моделью.

Система общей юрисдикции — крупная, по величине аппарата выходит, что это большая организация поглощает маленькую. В организационном плане это означает уничтожение, в персональном плане — я не думаю, что много арбитражных судей найдет себе место в новой ситуации. Арбитражные суды как автономная структура уничтожаются — и это ужасная новость для бизнеса, потому что на то, как решаются экономические споры, теперь будет распространена практика судов общей юрисдикции, которые судами просто не являются. А в судах общей юрисдикции в этом году ничего не менялось: продолжался регресс.

Игорь Каляпин, председатель «Комитета против пыток»:

В этом году было очень много разговоров про реформу тюремной системы, но никаких существенных изменений, к сожалению, не произошло. Но, на мой взгляд, система ФСИН все-таки становится более открытой. Эта тенденция, как ни странно, сохранилась. Для меня это приятная неожиданность. Я, честно говоря, думал, что шквал критики, который не прекращался на протяжении всего года, приведет к довольно агрессивной, неадекватной реакции со стороны руководства. Я очень рад, что этого не произошло, что сохраняется курс на все большую открытость. Если эта тенденция, изменения к лучшему неизбежны. Открытость приводит к тому, что говорят о проблемах ФСИН очень много, все больше, и, безусловно, это должно привести к тому, что-то все-таки начнет меняться. Но пока снижения количества случаев

насилия, превышения полномочий я, к сожалению, не заметил. Зависит это зачастую не только от системы ФСИН, но и от всей нашей правоохранительной системы — от прокуратуры, от Следственного комитета, от судов. Если нарушения и выявляются, то, во-первых, часто это не влечет за собой никаких последствий, а во-вторых, они выявляются системой общественного наблюдения, благодаря публикациям в СМИ, благодаря тому, что сами заключенные каким-то образом доносят информацию, но не прокуратурой, которая постоянно должна осуществлять надзор, и не Следственным комитетом, куда жалобы уходят пачками. Мы не видим реакции со стороны государственной системы, в том числе контрольной и надзорной. Конечно, должностные лица в системе ФСИН видят, что раз прокуратура все знает, раз Следственный комитет жалобы получает, но реакции на это нет, следовательно, можно рукой махнуть на критические публикации в СМИ, на замечания, которые делают члены ОНК, приходя в колонии.

Анна Каретникова, член Общественной наблюдательной комиссии Москвы:

В целом, за этот год положение заключенных не сильно изменилось по сравнению с предыдущими годами. Как мне докладывают заключенные, там, где мы работаем, похоже, наметились какие-то положительные сдвиги — в общей ситуации, в возможности попасть к врачу, в возможности получения нормальной еды. Но, насколько я понимаю, все, что готовит ФСИН, направлено на то, чтобы заключенным стало еще хуже. Взять хотя бы план запретить доступ к большому количеству книг. Не соблюдаются элементарные права. Не соблюдается закон. Люди не знают о своих правах, они не знают, что им положено, а что нет, поэтому лишены возможности жаловаться на нарушение прав. Сейчас я занимаюсь попыткой решения этой проблемы.

Одна из главных проблем следственных изоляторов — это ужасное превышение предельной численности. В СИЗО сидит человек на пятьсот больше, чем там может находиться. Людям элементарно негде спать, у них нет спальных мест. Сотрудников мало, а заключенных много, и мы не знаем, что с этим делать. Сколько бы ни было совещаний, ничего не меняется. Мы возвращаемся в ситуацию 1990-х годов: в камерах люди спят по очереди. Эта тенденция началась два года назад, число нарастает, мы видим камеры, где уже не двое, а половина лишних. Отчасти это происходит за счет выходцев из бывших союзных республик. Амнистия вообще не решила этих проблем. Из некоторых изоляторов по амнистии не выйдет ни один человек, из каких-то, возможно, двое или трое. Возможно, в закон о содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых следует внести изменение о том, что следственные изоляторы принимают спецконтингент согласно лимиту и сверх лимита запрещено принимать. Может быть, это как-то остановит следственные и судебные органы, которые, например, берут под стражу лишь на том основании, что у человека нет регистрации, вне зависимости от тяжести содеянного, от общественной опасности.

Валерий Сергеев, сотрудник Центра содействия реформе уголовного правосудия:

В этом году министерство юстиции и ФСИН вздумали вводить новые правила внутреннего распорядка, которые касаются как исправительных учреждений, так и следственных изоляторов. В чем-то они дают послабление, но в целом еще больше зарежимливают учреждения. В частности, в следственных изоляторах предлагают обязать дежурных по камере докладывать сотрудникам о повреждениях инвентаря и всего, что находится в камере, совершаемых другими заключенными, то есть фактически следить за порядком. Это нарушение европейских пенитенциарных правил,

которые запрещают передавать часть полномочий администрации заключенным. В конце 2010 года были отменены секции дисциплины и порядка в колониях, которые вызывали многочисленные проблемы и нарекания со стороны правозащитников, не говоря уж о самих заключенных. Теперь предлагается вернуть практически ту же самую систему в следственные изоляторы, только в завуалированном виде.

Что касается колоний, то система теперь заявляет о самообеспечении. Они хотят, чтобы как можно меньше вещей передавалось с воли — продуктов, одежды, теплого белья. Стало трудно вообще что-либо передавать в колонии. Некоторые тюрьмы и СИЗО требуют заполнять много разных бумаг. Человек, принесший в наш центр книги, должен написать, что он нам их дарует, а мы, в свою очередь, должны заключать договор дарения с тюрьмой. В Пермском крае из тюремных библиотек, и так скудных, стали изымать детективы, криминальные романы, книги про любовь — а что же тогда останется?

Система не так давно заявила, что разработан дизайн нательного белья и теплой одежды для заключенных. Тем самым собираются запретить (в некоторых колониях это уже происходит) передачу теплой одежды и белья. Шить вроде как будут сами заключенные — так же, как сейчас они шьют форменную одежду и ботинки. Несколько лет назад была введена новая форма для сотрудников, и сейчас они уже который год просто плачут от нее. Она искусственная, приходит совсем не в тот вид после первой же стирки, они в ней потеют, в ней неудобно, летом жарко, зимой холодно. Чего же в таком случае ждать от затеи с бельем для заключенных? Добавим к этому то, что работу выполняют люди, не обязательно имеющие соответствующую квалификацию, и чтобы выполнять норму, им нужно высидживать лишние часы. Правда, система заявила, что будет пересматривать нормы. Второй раз это заявление было сделано после письма

Надежды Толоконниковой. В принципе, готовность пересмотреть нормы — это плюс, но они заявляют, что на это уйдет целый год.

В этом году произошло значительное сокращение сотрудников системы — насколько мне известно, на 17,7%. Это понадобилось для того, чтобы значительно поднять зарплату остальным. Но кого сократили? Сотрудников воспитательной службы, психологов, социальных работников — то есть представителей той самой развитие системы воспитания, которая была прописано в концепции 2010 года. С другой стороны, количество заключенных снижается — это положительный момент (в этом году общее число рекордно низкое за много лет), хотя тюремная система здесь ни при чем.

Еще в апреле заместитель министра юстиции заявил, что на концепцию развития системы до 2020 года, предполагающую переход с лагерной системы на тюремную с камерным содержанием, на которую должны были быть выделены гигантские деньги, не было выделено ни копейки. Тюремную реформу оставили без финансовой поддержки.

Есть проблемы с жалобами заключенных. Когда жалобу получает следователь, он звонит в колонию и просит оперативника разобраться по поступившей информации. Тот отчитывается, что все в порядке. На этом расследование по жалобе заканчивается. Эффективной системы жалоб как не было, так и нет. Даже если приезжает прокурор, естественно, чаще всего все идет в отказ, потому что с ними уже поработали.

Еще в феврале на заседании коллегии ФСИН была поставлена задача — улучшать работу по созданию положительного имиджа системы. Вот они на это и работают. Все их усилия прежде всего заточены на это. Поэтому на сайтах исправительных учреждений ежедневно появляются новости о культурно-массовых

и спортивных мероприятиях, которые положительно характеризуют сотрудников и рассказывают, как хорошо живется заключенным. Этот поток полуправды льется постоянно.

Наталья Дзядко, директор Центра содействия реформе уголовного правосудия:

25 января 2013 года умер Валерий Абрамкин, бывший директор нашего центра, необыкновенно много сделавший в области борьбы за права заключенных. Невозможно оценить тяжесть этой потери. Правозащитников прежней формации осталось очень мало, а молодые учиться совершенно не хотят.

Произошли изменения в системе организации медицинского обеспечения. Будет создано всего 55 медико-санитарных частей в территориальных органах (некоторые соседние регионы объединяются, например, Москва и Московская область) и филиалы в исправительных учреждениях и СИЗО при каждой части. Зарплата медработников увеличится, следовательно, будет приток кадров. Медики будут заниматься только своей работой, а не будут направляться в караул, как это случалось ранее. К сожалению, сокращен штат психологов. Будет обеспечена медицинская «вертикаль» — по вопросам медико-санитарного обеспечения нужно будет обращаться к начальнику филиала и выше — к начальнику медсанчасти. Дома ребенка с нового года будут переданы в ведение медсанчастей, они теперь будут называться Центрами охраны материнства и детства.

Хотелось бы также отметить, что в этом году малолеткам запретили курить в зоне. Такие дополнительные запреты очень беспокоят. От привычек подобного рода трудно отказаться даже на воле, а уж в тюрьме, где и так одни запреты... Известно, что раньше в воспитательных колониях подростки протестовали, когда им запрещали

курить. Ценность каждой сигареты возрастает. В зоне никто не должен курить, но не все сотрудники могут от этого отказаться, а это значит, что в колонии есть сигареты, то есть дополнительная возможность манипулирования.

Pussy Riot

Арт-панк-группа, участницы которой были осуждены за «танцы в храме Христа Спасителя» на два года лишения свободы. Процесс против них вызвал огромный общественный резонанс.

10 105